

МОГИЛА ЛЕНИНА

Дэвид Ремник

David Remnick

LENIN'S TOMB

The Last Days of the Soviet Empire

Дэвид Ремник

МОГИЛА ЛЕНИНА

Последние дни советской империи

Перевод с английского

Льва Оборина



издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-4
Р38

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

- Р38 Ремник, Дэвид.
Могила Ленина. Последние дни советской империи / Дэвид Ремник; пер. с англ. Л. ОБОРИНА. —
Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 624 с.

ISBN 978-5-17-097473-3

“Последнему поколению иностранных журналистов в СССР повезло больше предшественников, — пишет Дэвид Ремник в книге “Могила Ленина” (1993 г.). — Мы стали свидетелями триумфальных событий в веке, полном трагедий. Более того, мы могли описывать эти события, говорить с их участниками, знаменитыми и рядовыми, почти не боясь ненароком испортить кому-то жизнь”. Так Ремник вспоминает о времени, проведенном в Советском Союзе и России в 1988–1991 гг. в качестве московского корреспондента *The Washington Post*. В книге, посвященной краху огромной империи и насыщенной разнообразными документальными свидетельствами, он прежде всего всматривается в людей и создает живые портреты участников переломных событий — консерваторов, защитников режима и борцов с ним, диссидентов, либералов, демократических активистов.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-4

ISBN 978-5-17-097473-3

- © David Remnick, 1993, 1994
- © Л. Оборин, перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Предисловие к новому изданию. **Иллюзия конца** 9

Вступление 15

Часть I. По праву памяти

Глава 1. Переворот в лесу 23

Глава 2. Сталинистское детство 31

Глава 3. Хранить вечно 45

Глава 4. Возвращение истории 58

Глава 5. Вдовы революции 74

Глава 6. Ниночка 92

Глава 7. До и после “дела врачей” 108

Глава 8. “Мемориал” 123

Глава 9. Письма, пущенные вплавь 143

Часть II. Демократические перспективы

Глава 10. Маскарад 167

Глава 11. Двоемыслие 186

Глава 12. Партийцы 204

Глава 13. Бедные люди 222

Глава 14. Революция в подземелье 240

Глава 15. Открытки из Империи	258
Глава 16. Остров	272
Глава 17. Хлеб и зрелища	280
Глава 18. Последний оплот ГУЛага	288

Часть III. Дни революции

Глава 19. “Завтра предстоит бой”	303
Глава 20. Утраченные иллюзии	314
Глава 21. Октябрьская революция	330
Глава 22. Первомай, или Тревога!	349
Глава 23. Министерство любви	367
Глава 24. Черный сентябрь	384
Глава 25. Телебашня	399
Глава 26. Генеральная линия	426
Глава 27. Граждане	440

Часть IV. “Первый раз как трагедия, а второй — как фарс”

.....	461
18 августа 1991 года	480
19 августа 1991 года	489
20 августа 1991 года	505
21 августа 1991 года	516

Часть V. Суд над старым режимом

.....	525
Послесловие к изданию 1994 года	565

Благодарности	577
Источники	580
Библиография	597
Алфавитный указатель	602

Моим родителям и Эстер

Предисловие к новому изданию

Иллюзия конца

Журналист может хотеть сделаться писателем и написать роман далеко не из одних только соображений литературной славы и престижа. Автора нон-фикшен ограничивают упрямая бесформенность реальности, скучная хронология жизни “как она есть”. Романист имеет право выходить за рамки факта и пускаться в путешествие по таким темным, труднодоступным областям, как человеческие тайны, мотивации, порывы и страсти. Романист может позволить себе то, чего, кажется, не любит делать сам Бог: придать действительности форму, которая приносит самое сомнительное удовольствие, — создать повествование с началом, серединой и концом.

Хороший репортер никогда не поддается искушению: ему хватает ума понять, что история разворачивается не ради того, чтобы он написал удачный репортаж. Но любой журналист, который работал в Москве в годы правления Михаила Горбачева, не мог не поражаться тому, насколько сложные и разнообразные процессы ему приходится наблюдать. Что-то важное происходило на всех уровнях политической, экономической, интеллектуальной и общественной жизни, и события были чрезвычайно интенсивны и стремительны, не говоря уж о том, что они происходили на невообразимо громадной территории. Так что никто из нас не претендовал на роль адекватного свидетеля эпохи, способного правильно ее описать, тем более для завтрашней газеты. (Газеты, представьте себе, в те времена жили в 24-часовом ритме — и при этом выходили на бумаге.)

Но одним из иллюзорных преимуществ у московских репортеров того времени было чувство причастности к драматической развязке истории колоссального, мирового уровня. В августе 1991 года мы с моей женой Эстер Файн должны были после четырех лет жизни в Москве улететь домой. Она работала в *The New York Times*, я — в *The Washington Post*. Драма перестройки, курса

реформ, начатых Горбачевым в марте 1985 года, достигла тогда максимального, предельного накала: страны Восточной и Центральной Европы, освободившись от кремлевской власти, входили в младенческую пору своей государственности, советские республики требовали большей независимости, а идеология и политика Коммунистической партии Советского Союза катились под откос. Но чем все это закончится, было неясно. Если этому и наступит конец, думали мы, то мы его уже не застанем. Наше время в СССР истекло. Американские корреспонденты, работающие за рубежом, редко задерживаются на одном месте дольше четырех лет. Поэтому мы попрощались с друзьями, собрали чемоданы, убрались в квартире и, наконец опубликовав интервью с доверенным лицом Горбачева Александром Яковлевым (который сообщил мне, что ожидает, что КПСС и КГБ попытаются совершить государственный переворот), вылетели рейсом авиакомпании *Pan Am* из Шереметьева в Нью-Йорк. Это было 18 августа 1991 года.

В первых строках “Десяти дней, которые потрясли мир” Джон Рид называет свой рассказ о петроградских событиях 1917 года “сгустком истории”. События, приведшие к драме 1991 года, пожалуй, были не менее насыщенными. В любом случае я собирался написать книгу о своем советском опыте, даже если в этой истории еще не было своего штурма Зимнего дворца. Но разве можно было всерьез ждать, что такое случится?

Как оказалось, нужно было подождать всего несколько часов. Приехав в дом родителей Эстер под Нью-Йорком и включив *CNN*, мы вместе со всем остальным миром увидели, как по Кутузовскому проспекту, прямо мимо дома, где мы жили, идут танки. Начался переворот, который предсказывал Александр Яковлев. Чем бы он ни закончился, это было то самое финальное событие. Несмотря на то что у Восточного побережья США разразился ураган и было непонятно, удастся ли мне сразу вылететь в Россию, я уже на следующий день вернулся в Москву. 21 августа путч провалился. Горбачев, которого удерживали под арестом на крымской даче, вернулся с семьей в Москву, где его ждал холодный прием от его спасителя и политического противника Бориса Ельцина. Горбачев думал, что вернулся к власти, но на самом деле он стал свидетелем радикального изменения привычного ему мира.

Я оставался в Москве до конца года. Советский Союз к тому времени перестал существовать — растворился, как кубики сахара в горячем чае. Вернувшись в Нью-Йорк, я дописал “Могила Ленина” — мои записи того периода легли в основу развернутой последней части книги.

Длинный раздел об августовском путче — “Первый раз как трагедия, а второй — как фарс” — не получился бы без подробностей о крымском заточении Горбачева; о лихорадочном бормотании в кабинетах Лубянки и состоявшихся диктаторах, которые напивались до бесчувствия; о заговорщиках,

которые сводили счеты с жизнью всеми мыслимыми способами. Предложить такой финал не отважился бы ни один сценарист, но именно так все и случилось — как раз в конце моего четырехлетнего репортерского срока. Кроме того, финал оказался на удивление счастливым: сравнительно мирное завершение невероятно трагического отрезка истории, ночной спуск над Кремлем красного флага и подъем нового — бело-лазорево-алого. Конец коммунизма. Конец империи. Конец истории. Могли ли в России после тысячи лет феодализма, царского самодержавия, тоталитарного коммунизма утвердиться либеральная демократия, процветание, истина и справедливость?

Вскоре я — в шутку — сказал своим старым коллегам из московского бюро *Post*, что “история завершилась”. В этой шутке отзывалось глубокое заблуждение, особенно распространенное в Вашингтоне: Россия и четырнадцать остальных бывших советских республик вступят в период эволюционного политического и экономического развития, которое не потребует нашего внимания, и Соединенные Штаты, свободные от конкуренции и обязательств холодной войны, утвердятся в роли единственной мировой сверхдержавы. Это была вера в превосходство малой истории над большой, иллюзия, которую развеяли многочисленные события, показавшие, что упадок и крах Советского Союза будут длиться еще много лет после его официального распада. Многие из этих событий оказались куда драматичнее, чем все, что нам было известно по горбачевскому времени: кровавый “октябрьский переворот” 1993 года; чеченские войны; становление олигархического, во многом преступного, капитализма; деградация едва появившейся на свет свободной прессы и сужение гражданских свобод; экономический крах 1998 года; одряхление Бориса Ельцина и выход на сцену Владимира Путина. С приходом Путина появилось отчетливое ощущение, что либеральная демократия в России — куда более отдаленная перспектива, чем казалось всем, кто принимал участие в событиях 1991 года.



Путин был президентом с 2000 по 2008 год. Затем, по крайней мере формально, он подчинился требованиям российской Конституции и уступил президентское кресло своему протеже Дмитрию Медведеву. На выборах, которые лишь с большой натяжкой можно было назвать демократическими, Медведев победил и первым же своим указом назначил Путина премьер-министром. Все это никого не обмануло: было ясно, что эпоха Путина продолжается. А затем, разгневанный выступлениями образованных горожан, которые требовали куда больше свобод, чем Путин был готов им предоставить, он

снова стал президентом — на этот раз куда более авторитарным, настроенным националистически и антизападно.

Популярность Путина, который воплотил в себе русский традиционализм и сильную государственную власть, — отчасти результат глубокого разочарования большинства граждан в эпохе Ельцина. В 2008 году я посмотрел в Москве комедийный боевик Алексея Балабанова “Жмурки” — макабрическую карикатуру на Россию 1990-х в общественном представлении: Россию хаоса, коррупции и жестокости. Фильм начинается со следующей сцены: в 2005 году преподавательница читает студентам лекцию по экономике и объясняет, как после падения коммунизма и распада СССР в 1991 году начался крупнейший в истории человечества “перedel собственности”. Это было время, когда “так называемые олигархи” вступили во владение нефтяными промыслами, золотыми приисками и банками.

— У кого-нибудь есть соображения на этот счет? — спрашивает она.

— Я думаю, что в то время из ничего можно было заработать много денег! — отвечает бойкая студентка.

— И еще, — добавляет преподавательница, — в 90-е годы очень развиты были криминальные группировки, которые срастались с властью и тем самым тоже приобретали начальный капитал.

Далее следует титр “Середина 1990-х” и жестокая сцена, в которой киллер, называющий себя профессионалом, пытается в морге бандита-конкурента. В последних сценах фильма двое кровавых поделщиков крадут у своего босса пять килограммов героина — “начальный капитал” — и сбегают в Москву, где меняют кожаные куртки и пистолеты на строгие костюмы и должности в кремлевской бюрократии.

В современной России не в чести либерализм — мало кто всерьез верит в необходимость гражданского общества, гражданских свобод и открытого общества. Из всех демократических активистов и политиков рубежа 1980-х и 1990-х в народной памяти остался только один — физик и правозащитник Андрей Сахаров. Его именем назван проспект в Москве. Возможно, его вспоминают с уважением потому, что он успел умереть в декабре 1989-го, за два года до крушения советской империи. Либеральные партии 1990-х давным-давно скомпрометированы связями с эпохой Ельцина и сошли с политической сцены. “Государство не позволяет оппозиции существовать, у нас нет коалиции”, — сказал мне бывший премьер-министр Михаил Касьянов, ныне возглавляющий небольшую оппозиционную партию без представительства в Думе.

“Сейчас, как и при Ельцине, в оппозиции разве что коммунисты, — говорил Александр Солженицын в интервью *Der Spiegel* незадолго до смерти (он умер в августе 2008-го). — Однако, говоря «оппозиции почти не осталось», вы, конечно, имеете в виду демократические партии 90-х годов? Но взгля-

ните же непредвзято: если все 90-е годы происходило резкое падение жизненного уровня, затронувшее три четверти российских семей, и всё под «демократическими знаменами», то ничего удивительного, что население отхлынуло из-под этих знамен». Солженицыну, который жил на окраине Москвы, было 88 лет, здоровье его угасало. Несмотря на то что в большинстве его романов и исторических исследований содержалась развернутая критика советской власти и спецслужб, о Путине, бывшем подполковнике КГБ, он отзывался одобрительно. «Путину досталась по наследству страна, разграбленная и сшибленная с ног, с деморализованным и обнищавшим большинством народа. И он принялся за возможное — заметим, постепенное, медленное, — восстановление ее», — сказал Солженицын.

У нынешнего рейтинга популярности Путина несколько причин: ошибки его предшественников, подавление инакомыслящих, вскипание «темного» патриотизма, укрепление националистической идеологии, а также такие события, как аннексия Крыма и бомбардировки Сирии, — они нужны для того, чтобы продемонстрировать миру возрождение сверхдержавы, вновь дать стране цель. Несмотря на углубляющийся экономический кризис, Путин и путинизм по-прежнему в силе.

В постсоветской России сохранились две великие традиции: власть тайной полиции и использование иносказаний для говорения правды. Последнее в путинской России — одно из немногих эффективных способов описания первого. Владимир Сорокин, писатель со склонностью к сюрреалистичной жестокости, создал роман-антиутопию под названием «День опричника». Опричники были тайной полицией XVI века. В изображенной Сорокиным деспотической России 2028 года в ведении монарха находятся все судьбы, вся информация. Благополучие государства зависит от нефти и газа, а выживание конкретного человека — от безоговорочной верности кровавому деспоту и его опричному кругу. Сама Россия — крайне консервативное, традиционалистское государство.

Это иносказание легко расшифровать. Путин и значительная часть кремлевских начальников, министров и советников — выходцы из КГБ; многие родились и выросли в родном городе Путина — Ленинграде, ныне Санкт-Петербурге. Ельцин пытался реформировать спецслужбы, но попытка не удалась. «Структура политической полиции сохранена, и она легко может возникнуть», — говорил Ельцин в 2007 году, незадолго до смерти. В 1990-е олигархи охотно нанимали к себе на службу хорошо обученных и информированных бывших сотрудников КГБ. Но Путин поставил эту иерархию с ног на голову. В Кремле Путина больше силовиков, чем в Белом доме Кеннеди — выпускников Гарварда. Силовики возглавляют многочисленные кремлевские ведомства, бюрократические органы и госкорпорации.

В книге интервью “От первого лица” Путин рассказывал, что в 1980-е, когда он еще служил в ГДР, а коммунизм уже трещал по швам, у него было много свободного времени. Он пил местное пиво (“Я брал такой баллон на три с лишним литра. Пиво в него наливаешь, потом краник нажимаешь — и пьешь как из бочки”) и поправился примерно на 12 килограммов. Но, став президентом, он сразу вспомнил о своем прежнем работодателе и приумножил его могущество. “Бывших чекистов не бывает”, — заметил он.

Когда Путин вернулся в президентское кресло в 2012 году, во всех его действиях ощущалась острая неприязнь: неприязнь к городскому среднему классу, который он считает угрозой своему режиму; неприязнь к Западу, который ввел против России экономические санкции в ответ на аннексию Крыма и вмешательство в военный конфликт на востоке Украины.

Одна из главных тем “Могила Ленина” — тема истории, та огромная роль, которую переоценка истории сыграла в преобразении бывшего СССР и сознания его граждан. Возвращение истории в то время оказало влияние на все: на становление национальных движений в Прибалтике, на Кавказе, Украине и в Средней Азии; на экономику; на интеллектуальную и культурную жизнь; на отношения СССР с другими странами.

Сейчас эта переоценка в каком-то смысле происходит вновь, но в более мрачной атмосфере. Исторические взгляды Путина также задают направление, в котором движется Россия. Его крайне консервативный подход к истории, восхищение такими фигурами, как Столыпин и философы-националисты XIX и XX веков, рождает убеждение, что Россией нужно управлять железной рукой, что ее размер и сама природа не подходят для той демократии, к какой привыкли на Западе. Согласно путинскому пониманию истории, потенциальные противники находятся повсюду и с ними нужно бороться: нельзя допускать угроз для стабильности государства. Он не забыл, как у дверей дрезденской резидентуры КГБ бушевала толпа антисоветски настроенных немцев. Те события, о которых говорится в “Могила Ленина”, — митинги, забастовки, демонстрации на Красной площади, революции в Восточной и Центральной Европе — для Путина подобны страшному сну. Он убежден, что ни в коем случае нельзя допустить повторения событий 1989–1991 годов, о которых идет речь в этой книге. Вот почему современный читатель “Могила Ленина” чувствует одновременно и оптимизм, который владел умами предыдущего поколения, и настороженность, которой сегодня пропитано каждое действие Владимира Путина.

Вступление

Задолго до того, как появились основания предрекать закат и распад Советского Союза, о предчувствиях этого было упомянуто в записных книжках Надежды Мандельштам. Она не была сентиментальной, не была наивной. Ее мужа, великого поэта Осипа Мандельштама, смела волна Большого террора 1930-х; он не вернулся из лагерей. С безжалостной прямоотой она писала о том, как режим держал своих подданных в постоянном страхе. Советские люди, по ее словам, стали “психически сдвинутыми, чуть-чуть не в норме, не то чтобы больными, но не совсем в порядке”. Тем не менее Надежда Яковлевна, в отличие от многих ученых и политиков, видела признаки врожденной слабости советской системы и верила в человеческую стойкость.

20 августа 1991 года стояла хмурая дождливая погода. Я шел сквозь толпу людей, защищающих здание российского парламента от возможного нападения путчистов. В тот день все мы увидели то, что мало кто мог предугадать: советские граждане — рабочие, учителя, карманники, дети, матери, старики, даже солдаты — выступили против нескольких замшелых политиков, которые возомнили себя улучшенной версией большевиков, способных заморозить время, а то и пустить его вспять. Лихорадочно готовя путч, заговорщики решили, что “массы” слишком изнурены и безразличны, чтобы дать отпор. Но десятки тысяч обычных москвичей были готовы умереть за демократию. Тогда говорилось — и даже сейчас говорится, — что русские ничего или почти ничего не знают о гражданском обществе. Что ж, в таком случае странно, что столько людей были готовы отдать свою жизнь ради его защиты.

Я редко запоминаю наизусть прочитанное, но в тот день, за много часов до того, как стало ясно, что войска не пойдут в атаку и путч провалился, я вспомнил слова, которые обвел черной ручкой в книге воспоминаний Надежды Мандельштам: “Этот ужас может вернуться, если опять отправят в лагерь